

Глава 11. Порочный приют

Близился март, но столица всё ещё оставалась в ледяном плену. На пустынных улицах царила унылая тишина, и лишь в одном месте жизнь, как обычно, была ключом.

В Чжуцуэ говаривали, будто на всём белом свете лишь два типа людей никогда не слышали о Тереме Сотни Цветов: глухие да мертвецы. Однако сегодня у порога этого заведения объявился третий — тот, кто ломал устоявшееся правило.

Перед алыми воротами терема дежурили двое хорошеньких служек-мальчишек. Прохожие, съёжившись от пронизывающей стужи, то и дело вытягивали посиневшие шеи, провожая их взглядами. И богачи, и бедняки одинаково пускали слюни, глядя на кутавшихся в шелка красавиц на балконах второго яруса, но зайти внутрь никто не решался — поперёк перил красовалась огромная вывеска: «Свободных мест нет».

Проводив взглядом очередного разочарованного прохожего, служка в фиолетовом халате досадливо сплюнул:

— И о чём только думает матушка? На улице собачий холод, а мы тут торчим, как истуканы, и никого внутрь не пускаем. Отказываться от верной наживы... Совсем старуха из ума выжила на старости лет!

Служка в красном торопливо зажал ему рот ладонью:

— Тише ты! Язык без костей! Велели стоять — стой и не умничай. Какое тебе дело до её замыслов? Ай! Ты чего кусаешься?!

— А Чжу-эр-то наш пахнет всё слаще и слаще, — осклабился Цзы-эр, шутливо подмигивая приятелю.

Чжу-эр вспыхнул до корней волос:

— Похабник! Хорошему бы чему научился, а ты всё у этих похотливых господ перенимаешь...

Он осёкся на полуслове, заметив, как к дверям медленно подкатывает роскошный экипаж.

На козлах сидел юный слуга в бирюзовом одеянии. Лицо его было удивительно миловидным, а кожа на холёных руках, сжимавших поводья, белизной превосходила самый дорогой фарфор — Чжу-эр невольно устыдился собственных ладоней. Юноша смущённо покосился на вывеску терема, едва заметно наморщил лобик и застенчиво улыбнулся застывшим на крыльце мальчишкам.

Привратники обомлели. Хоть они и выросли в весёлом квартале и навидались утончённых господ да изнеженных поэтов, столь безупречной красоты встречать им ещё не доводилось.

Юноша в бирюзовом прыгнул на землю и легонько постучал в резное оконце экипажа:

— Молодой господин, мы у ворот Терема Сотни Цветов.

В ответ не донеслось ни звука. Служка, привыкший к подобному пренебрежению, безропотно прождал добрых четверть часа. Наконец, когда терпение его, казалось, иссякло, он постучал настойчивее:

— Господин, время не ждёт.

— М-м-м... — недовольно процедили изнутри.

Не успели служки моргнуть, как дверца распахнулась, и перед ними предстал холёный вельможа. Движения его были столь стремительны, что мальчишки лишь взглядом успели проводить его до самого входа. Юноша-возница поспешил следом.

Чжу-эр успел лишь разглядеть богатый парчовый халат да веер, которым таинственный гость закрывал лицо, плавно поднимаясь по ступеням. Черты его лица остались скрыты, но в каждом жесте сквозило врождённое величие.

Прелестный служка семенил сзади, почтительно склонив голову. Диву даться можно: столь изысканный юноша был всего лишь слугой!

— Слово с картины сошёл, — вздохнул Чжу-эр. — Жаль, долей обделён. Окажись он в нашем тереме, мигом затмил бы всех признанных красавиц столицы.

— А барин его и того чуднее, — фыркнул Цзы-эр. — В такой мороз веером машет, спесь нагоняет. Припёрся в вертеп, а строит из себя благородного мужа!

Глупые служки не сообразили, что даже подвески на поясе бирюзового халата стоили целое состояние. Неужели человек, купающийся в такой роскоши, станет мараться о грязные подмостки публичного дома?

Сверху, шурша цветастыми юбками, кубарем скатилась сама хозяйка заведения. Вид у неё был настолько перепуганный, что мальчишки у входа так и застыли с разинутыми ртами. Что же за важный гость пожаловал, раз сама матушка летит к нему сломя голову? Обычно даже перед напыщенным стариком Чжао она и бровью не вела!

Хозяйка угодливо согнулась в три погибели, пытаясь рассмотреть благородного господина. Тот

по-прежнему прикрывал лицо лаковым веером, из-за которого виднелся лишь высокий чистый лоб. Он смотрел на женщину узкими хищными глазами, с нескрываемым презрением и брезгливостью.

Она поспешно опустила взгляд. Влиятельные покровители не терпели праздного любопытства черни, но этот гость вёл себя совсем уж странно. Прийти в весёлый дом и кривиться от омерзения? Неужто безгрешный юнец впервые переступил порог подобной обители?

Пока она предавалась размышлениям, бирюзовый служка шагнул вперёд и холодно произнёс:

— Матушка, отойдите на пару шагов. Мой господин не выносит дешёвых благовоний.

Хозяйка густо покраснела от обиды и попятилась. Утром ей доставили задаток в пятьсот золотых с требованием закрыть заведение на весь день. Она-то надеялась на щедрый банкет какого-нибудь престарелого богача, а на деле явился изнеженный чистоплюй! Впрочем, спорить с такими господами себе дороже. Ей оставалось лишь смиренно кланяться и натягивать фальшивую улыбку, ожидая приказаний.

Молодой господин брезгливо обмахнулся веером и, недовольно сморщив нос, бросил своему слуге:

— Чжэн-эр, уходим. Если у здешней хозяйки столь убогий вид, то и девки её наверняка под стать. Сплошное убожество.

Служка послушно склонил голову, готовый развернуть экипаж.

Хозяйка так и обмёрла: жирнейший карась, сам приплывший в руки, срывался с крючка! Забыв о приличиях, она истошно завопила на весь терем:

— Весенний Цветок! Осенняя Луна! Лик Небес! Отражение Луны! Живее, дуры, к гостю!

Услышав этот парад пошлых прозвищ, юноша в парче прибавил шагу, мечтая поскорее покинуть этот притон. Хозяйка, понимая, что теряет всё, решила на крайний шаг и, зажмурившись, выкрикнула:

— Суйфэн! А ну марш сюда!

Шаги у дверей затихли. Юноша медленно повернул голову и опустил веер.

Хозяйка и выбежавшие на крик девицы остолбенели. Они-то грешным делом подумали, что под изысканными одеждами прячется урод, стесняющийся своего лица, но действительность превзошла все ожидания. Пред ними предстал юноша неземной красоты. Тонкие, точёные

черты лица, алеющие младенческой свежестью губы, безупречно прямой нос. А когда он в упор взглянул на онемевшую толпу, в его чёрных глубоких глазах сверкнуло, подобно драгоценным кристаллам — в них читалось лукавство наполовину со скрытой угрозой. От него веяло недостижимым величием, но этот взгляд манил и завораживал, не позволяя отвести глаз.

Заметив, как они глупо разинули рты, служка в бирюзовом грозно прикрикнул:

— Дерзость! Опустите взоры!

В его ещё по-детски звонком голосе прозвучало столько ледяной властности, что присутствующие покрылись холодной испариной и разом поклонились до земли.

Благородный юноша не обратил на слуг внимания. Он лениво повернулся к своему спутнику:

— Чжэн-эр, расслышал, кого эта карга сейчас звала?

Грозная мина на лице служки мгновенно сменилась угодливым выражением:

— Да, господин. Матушка соизволила кликнуть некоего Суйфэна.

Господин лукаво улыбнулся. Прихватив растерявшегося мальчишку за шиворот, он подошёл поближе к дрожащей хозяйке и небрежно махнул рукой в сторону застывших девиц:

— Всю эту безвкусную шваль — с глаз моих долой. А вот на вашего Суйфэна я бы поглядел. Веди его.

Поняв, что гость остаётся, хозяйка расплылась в приторной улыбке:

— О, у молодого господина редкий вкус! Наш Суйфэн, изволите ли знать, юноша с норовом, абы к кому...

Чжэн-эр молча вытащил из рукава две крупные ассигнации и швырнул их на стол.

— Быстрее, — обрубил он.

Юный вельможа лениво скользил взглядом по убранству залы, даже не посмотрев на золото. Хозяйка молниеносно спрятала ассигнации в широкий рукав и лебезяще закивала:

— Сию минуту, господин... Всё устрою в лучшем виде!

Уже за дверью она расслышала долетавший из залы приглушённый смех гостя:

— Чжэн-эр, я ведь только из-за Деревяшки Чжао и его телохранителя переименовал своего слугу в Суйфэна. Кто бы мог подумать, что в таком вертепе отыщется его тёзка! Интересно, каково будет лицо настоящего Суйфэна, когда он об этом прознает?

Убедившись, что хозяйка ушла, Чжэн-эр тревожно огляделся по сторонам и прошептал:

— Ваше Высочество, не дело мы затеяли... Узнай об этом государыня императрица, мне ведь... мне несдобровать...

На глазах переодетого слуги выступили слёзы. Лин Цзюмо легонько стукнул его веером по лбу:

— Думаешь, я не смогу тебя защитить?

— Помилуйте, Ваше Высочество! — Чжэн-эр торопливо утёр щеку рукавом. — Пусть мы и кружили у этих дверей целых семь раз, прежде чем войти... Но оказаться внутри такого грязного места... Мне боязно.

Девятый принц презрительно усмехнулся. Он прищурился, а голос стал вкрадчивым и в то же время грозным:

— Трусись? Скатертью дорога. Возвращайся во дворец один.

Чжэн-эр тут же прикусил язык, а принц самодовольно ухмыльнулся.

В ту же секунду тихо звякнули нефритовые подвески на тяжёлой портъере. В комнату скользнул едва уловимый, дразнящий аромат редких благовоний.

Вошедший шёл неторопливой, плавной походкой, целомудренно опустив лицо, обрамлённое волной иссиня-черных волос. Его тонкий стан покачивался, словно гибкая ива на ветру. Сделав несколько шагов, он замер перед Лин Цзюмо.

— Подними лицо, — повелительно бросил принц.

Их взгляды встретились. Оба на мгновение замерли от неожиданности. Прежде чем гость успел согнуться в изящном поклоне, принц отступил на полшага назад, придирчиво оглядел его с ног до головы и скомандовал:

— А ну-ка, обернись. Дай взглянуть со спины.

Писанный красавец опешил. Впервые гость обращался к нему с подобной нелепой прихотью. Обычно визитеры, стоило ему скромно потупить взор, сразу же требовали: «А ну, подними мордашку, дай барину полюбоваться!» Озадаченный столь странным поведением, он послушно повернулся спиной, лихорадочно гадая, что у этого избалованного господина на уме.

Лин Цзюмо обошёл его кругом, задумчиво потирая подбородок, после чего разочарованно покачал головой:

— Чжэн-эр, как думаешь, это девка или парень?

Красавец едва не лишился дара речи. Да, природа наградила его утончённым женственным лицом, но грудь у него была плоской, как доска, да и кадык, хоть и искусно скрытый белилами, никуда не делся! Каким бы изысканным ни казался этот вельможа, язык у него был на редкость ядовитым.

С трудом удерживая равновесие, он опёрся о лакированную колонну, улавливая тихий лепет бирюзового служки:

— Для девицы она... то есть он... слишком уж высок ростом.

Чжэн-эр хоть и был бесправным слугой во дворце Девятого принца, перед простым людом заносчиво задирает нос. Вся эта челядь из публичных домов для него не стоила и ломаного гроша.

Суйфэн покачнулся, едва не повалившись на пол.

«Одеты как принцы, а умишком явно обделены»

Но вслух выказать гнев он не смел.

— На ногах еле держится, — подал голос принц. — Хворый, что ли?

— Ваша правда, господин, — поддакнул Чжэн-эр. — Недавно в Цанчжоу моровая язва бушевала. Может, уйдём подобиру-поздорову, пока не заразились?

Они болтали так непринуждённо, словно перед ними стоял зачумлённый скот, а не лучший наложник столицы. Суйфэн чувствовал, как у него от ярости кровь приливает к лицу.

Не выдержав издевательств, он процедил сквозь зубы:

— Благородным господам не о чем беспокоиться. Наш терем хоть и нельзя назвать святой

обителю, но заразы здесь нет и в помине.

Его глубокий, бархатистый голос с лёгкой хрипотцой не оставлял сомнений — перед ними стоял мужчина.

Лин Цзюмо окинул его ленивым взором и пренебрежительно фыркнул:

— Только-то и всего? Скучища.

Суйфэн задохнулся от обиды. Его задел не столько высокомерный тон гостя, сколько его издевательская, сводящая с ума улыбка. Сгорая от негодования, он выпалил:

— Почтенные мужи столицы одарили меня благосклонностью, и уже через месяц после моего появления в Тереме я был признан лучшим среди местных мастеров! Пусть я и не усердствую в изящных искусствах ежедневно, но в игре на цине и пении мне равных сыскать трудно!

Уловив в его словах уязвлённую гордость, Девятый принц хмыкнул:

— Что ж, яви своё мастерство. Начинай.

С этими словами принц широким, изящным движением расправил полы халата и опустился в кресло.

Чжэн-эр лишь безмолвно вздохнул.

«Похоже, этот Суйфэн и впрямь пришёлся принцу по душе...»

Не знай он этого несносного мальчишку с малых лет, наверняка лишился бы рассудка от одного лишь его царственного величия. Но за этой безупречной маской скрывался сущий дьявол.

Суйфэн торжествующе улыбнулся. Он велел слугам зажечь драгоценный благовонный сандал, уселся за низкий столик и бережно коснулся струн циня.

Из-под его тонких пальцев полилась чарующая, полноводная мелодия. Хриловатый, привлекающий голос юноши сплетался с нежным рокотом струн, а колеблющееся пламя свечей делало его тонкое лицо неправдоподобно, хищно красивым.

Чжэн-эр заворожённо наблюдала за музыкантом. Лишь сейчас она осознала, почему столичные вельможи сходят ума по изнеженным юношам: в искусстве обольщения иные мужчины превосходили самых искушённых куртизанок! Неудивительно, что Девятый принц

выделил среди прочих нежного красавца Лю Даньцая.

Он украдкой взглянул на своего господина. Лин Цзюмо сидел неподвижно, устремив взор в темнеющее окно. Он слушал музыку с таким непривычно чистым, искренним восторгом в глазах, какого слуга у него отродясь не видел.

«Похоже, этот Суйфэн и впрямь пришёлся принцу по душе»

С тревогой подумал юноша. Поиски суженого для Девятого принца и без того перевернули всю империю Чжунцзюэ вверх дном. Если он решит притащить во дворец смазливое сяогуаня из весёлого квартала, государству не избежать великой смуты!

Суйфэн заметил затаённый восторг на лице благородного гостя. Душу наложника наполнила гордость — он не сомневался, что окончательно покорил столичного франта своим редким даром.

Юноша выпрямил спину и уже собирался томно заговорить, как вдруг пущенный меткой рукой веер со свистом рассёк воздух и ударил его точно в акупунктурную точку. Музыкант мгновенно застыл, лишившись возможности пошевелить даже пальцем.

В мгновение ока Девятый принц бесшумно выскользнул из покоев через распахнутое окно.

Чжэн-эр, даже не повернув головы, привычно зажал себе рот ладонью и уткнулся носом в угол, являя собой образец совершенной покорности: лишнего не видеть, чужого не слышать, рта без приказа не раскрывать.

Суйфэн с ранних лет воспитывался как элитный наложник. Изнеженный былой роскошью и лаской прежнего покровителя, он лишь месяц назад из-за семейного разорения попал в Терем Сотни Цветов. Доселе его жизнь была полна лести и обожания, и столкнуться с подобной дерзостью ему ещё не доводилось. Обида жгучей волной подступила к горлу, и по его безупречным, покрытым белилами щекам беззвучно покатались крупные горькие слёзы.

<http://bllate.org/book/20483/2132491>